

УДК 811.161.1'42:82-54
ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.31; 16.21.51
С. В. Мохирева S. V. Mokhireva
Кемерово, Россия Kemerovo, Russia

Код ВАК 10.02.01

**АКТУАЛИЗАЦИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА В ДИСКУРСЕ
ВЕРБАЛЬНОГО СОБЫТИЯ**

(«Pussy Riot» в храме Христа Спасителя)

Аннотация. Любое событие, оказывающееся в центре внимания средств массовой информации, существует в контексте, который актуализируется при интерпретации случившегося. В статье рассматривается актуализация религиозно-политического контекста в текстах российских изданий, освещающих акцию панк-группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя.

Ключевые слова: интерпретационная лингвистика; газетный дискурс; вербальное событие; религиозно-политический контекст; акция «Pussy Riot».

Сведения об авторе: Мохирева Светлана Викторовна, ассистент кафедры журналистики и русской литературы XX века, факультет филологии и журналистики.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6307.
e-mail: svetlana-mokhireva@yandex.ru.

**UPDATING
THE RELIGIOUS-POLITICAL CONTEXT
IN THE DISCOURSE
OF VERBAL EVENTS**

(«Pussy Riot» in Christ the Savior Cathedral)

Abstract. Any event that is at the center of media attention exists in a context that is updated in the interpretation of what has happened. In the article the actualization of religious-political context in the texts of Russian publications covering the action of the punk band «Pussy Riot» in Christ the Savior Cathedral is studied.

Key words: interpretative linguistics; news discourse; verbal event; religious and political context; the action of «Pussy Riot».

About the author: Mokhireva Svetlana Viktorovna, Assistant Lecturer of the Chair of Journalism and Russian Literature of the XX century, Faculty of Philology and Journalism.

Place of employment: Kemerovo State University.

Политический дискурс выделяется рядом исследователей как один из важнейших общественных дискурсов. Одна из его особенностей — это публичность, «которая в информационных обществах приобретает через пространство масс-медиа» [Хвостунова 2010: 276]. Взаимосвязь политического и медиадискурсов вылилась в формирование в современной дискурсологии понятия медиаполитического дискурса [Атьман, Галухина 2011]. В рамках этой разновидности дискурса мы можем говорить о реализации одной из базовых функций СМИ — информационной, погружающей аудиторию в поток постоянно сменяющихся друг друга событий, потребление которых превратилось в форму «политико-социального общения в современном мире» [Сморгунов 2001]. При этом информирование сопровождается реализацией интерпретативной функции [Чернышова 2007: 15], созданием определенного оценочного контекста. Категория «событие» в этом смысле оказывается важным индикатором, задающим в процессе репрезентации в медиатекстах оценочные ориентиры для важнейших социальных институтов, функционирующих в российском обществе.

Задачей данной статьи является выявление религиозно-политического контек-

ста, актуализирующегося в событийном дискурсе.

Двойственная природа категории «событие» стала учитываться через введение исследователями в понятийную среду таких терминов, как факт-событие (Т. В. Чернышова), факт вербальный (Ю. А. Сорокин), медиакоммуникативное событие (И. В. Рогозина). Вариативность терминов не меняет сущности стоящего за ними языкового явления — репрезентации фрагмента реальности, эксплицитно или имплицитно отражающей авторское коммуникативное намерение и обладающей рядом характерных признаков [См. подр.: Мохирева 2013]. Существенным признаком, определяющим представление события в газетном дискурсе, является то, что при описании оно теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Автор, репрезентирующий событие, акцентирует один из фрагментов его «мозаичной» структуры.

Таким образом, в тексте событие членится на отдельные элементы, каждый из них определенным образом вербализуется и репрезентируется, получает свои «персональные» маркеры (участники, действие, фразы), которые становятся знаковыми для его развития в медиасреде («Хромая ло-

шадь», «Булгария», Навальный, «Pussy Riot»). Это приводит к созданию в медиасреде дискурса отдельного вербального события, элементом которого является в той или иной степени актуализированный контекст.

В лингвистическом смысле под *контекстом* понимается законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы [Словарь русского языка 1999: 93]. Рассматривая реализацию смыслового потенциала текста, Л. Г. Ким указывает на его взаимодействие со средой, роль которой выполняет контекст. Но контекст не является сугубо лингвистическим понятием, его смысловые границы шире и включают в себя как вербальные, так и невербальные компоненты. Так, Л. Г. Ким и Н. Д. Голев различают вертикальный (интенциональность, фоновые знания, социальный статус, социально-психологический тип, индивидуально-личностный тип реципиента) и горизонтальный (жанр (тип текста), коммуникативная ситуация, событийная ситуация, социальный контекст, культурно-исторический контекст) контексты [Ким 2009: 103—104]. Контекст вербального события в газетном дискурсе обусловлен его локализацией во времени и пространстве. Место и время свершения события становятся ключевыми факторами актуализации контекста, в аспекте которого осуществляется интерпретация события в целом. На наш взгляд, событие может быть интерпретировано и с учетом контекста, т. е. условий своего протекания, и вне контекста. В этом случае конкретная локализация события в пространстве и времени не несет существенного значения в силу, например, типичности или повторяемости события (очередной школьный субботник).

Политический контекст подразумевает наличие в вербальном событии имплицитных или эксплицитных оценок, в первую очередь российской власти и ее репрезентантов, так как «основная проблема политики — власть» [Гудков 2008: 401]. Рассмотрим подробнее актуализацию политического контекста в газетном дискурсе на материале текстов, освещающих акцию панк-группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя (февраль 2012 г.). Данное событие не случайно оказалось в центре исследовательского интереса, так как занимает лидирующую позицию в рейтингах событий года и до сих пор продолжает вызывать оживленную полемику в СМИ, блогосфере и на других общественных площадках. Материалом исследования стали тексты ведущих российских изданий («Российская газета» (далее —

РГ), «Коммерсант» (далее — К), «Московский комсомолец» (далее — МК), «Аргументы и факты» (далее — АиФ), «Независимая газета» (далее — НГ), «Новая газета»).

Столь активно обсуждаемое событие представляет собой выступление («акцию») панк-группы «Pussy Riot», завоевавшей известность своими провокационными, нередко скандальными арт-проектами. Участницы группы, придерживающиеся радикально-феминистских взглядов, в ярких одеждах и масках, закрывающих лица, исполнили перед алтарем храма Христа Спасителя в Москве так называемый перформанс, состоящий из короткого танца и песни. Все действия панк-группы снимались на видеокамеру, спустя некоторое время видео с этой акции появилось в Интернете и стало поводом для дискуссий между сторонниками и противниками выступавших. Против участниц группы было возбуждено уголовное дело по статье «Хулиганство».

Ведущие российские издания откликнулись на это событие, обнажившее глубокие морально-этические и нравственные проблемы, существующие в российском обществе. В центре столкновения оказались два важнейших общественных института — государство и церковь. Их активное взаимодействие, по мнению самих участниц, и стало поводом для проведения данной акции: *Таким способом активистки, по их словам, выразили свое несогласие с тем, что патриарх Кирилл публично поддержал на президентских выборах кандидатуру Владимира Путина; «Панк-группе предъявляют новые извинения»* (К. 01.10.12). Осмысление данного события в прессе привело к актуализации религиозно-политического контекста.

Религиозно-политические акценты в интерпретации этого события начинают расставляться с его репрезентации через номинации участниц. Наряду с нейтральными репрезентациями (участницы группы, девушки и т. д.) используются как политически ориентированные (*юные московские оппозиционерки; несвятая троица революционерок-идеалисток; антисистемные феминистки; арт-политакционистки*), так и имеющие явный религиозный подтекст (*кошунницы; осквернительницы святыни; богохульницы*) маркеры. Некоторые из них (*кошунницы, богохульницы*) стали знаковой частью данного вербального события и получили распространение в медиасреде.

Значительную роль в создании религиозного контекста играет обращение к лексике соответствующей тематики. Главным образом это ряд нарицательных существительных (*Прощения не будет* (НГ. 27.02.12);

Оскорбление на амвоне (РГ. 12.11.12); *В ожидании раскаяния* (РГ. 2.10.12); *Молитва всея Руси* (РГ. 23.04.12)) и имена собственные, в том числе в трансформированном виде (*Pussy Riot*, *Христос и блудницы* (НГ. 9.08.12); *Матрона против Pussy Riot* (НГ. 7.12.12); *Страстная пятница, 13-е* (Новая газета. 12.04.12); *Иуда Пуссириот* (РГ. 24.09.12)).

В событийном газетном дискурсе, посвященном акции панк-группы, репрезентации государства и церкви находятся в подчеркнутой взаимосвязи. На наш взгляд, это продиктовано характером самого события — исполнении песни «Богородица, Путина прогони», имеющей форму религиозного «жанра», но наполненной политическим содержанием.

Место совершения акции становится основополагающим фактором актуализации религиозно-политического контекста данного событийного дискурса (*Москва: хулиганы в главном храме* (НГ); *сплясавшие на солее в храме* (Новая газета); *на амвоне храма* (К.)). Именно дерзкое разрушение сакральной атмосферы пространства (панки в православном храме!) привело к множественности интерпретации события, доминантой которой стал вопрос о религиозных ценностях.

Таким образом, актуализация религиозного аспекта комментирования случившегося обусловлена фактом проведения акции в главном православном храме страны, политический аспект заключается в заявленном изначально намерении участниц группы высказать свою гражданскую позицию по поводу президентской предвыборной кампании В. В. Путина.

Понять смысл политического контекста и «погруженного» в него события можно через обращение к анализу **ключевых слов**, «которые несут основную смысловую нагрузку», а также «соотносят текст с действительностью» [Чернышова 2007: 91]. В исследуемых газетных текстах доминирующим репрезентантом религиозно-политического контекста выступают такие ключевые слова, как «власть» и «церковь» — политический и религиозный институты. При этом «церковь» в большей степени обозначается как активный участник события, что подчеркивается его упоминанием в сильной текстовой позиции — заголовочном комплексе: *РПЦ одолевают скандалисты* (НГ. 29.03.12); *РПЦ ждет от художников объяснений* (НГ. 6.04.12); *РПЦ все-таки оказалась замешанной в конфликте* (НГ. 21.08.12); *Адвокаты Pussy Riot просят РПЦ по-божески* (МК. 14.03.12); *Церковь не уступит давлению в деле Pussy Riot* (К. 12.03.12); *РПЦ постояла за веру* (К. 23.04.12); *Секретное оружие РПЦ*

(Новая газета. 6.04.12). Также заголовки прессы акцентируют сосуществование «власти» и «церкви» в разных логико-смысловых отношениях (например, взаимодействии или оппозиции): *Святая вера и крепкая власть* (РГ. 9.10.12); *Церковь прикрылась государством* (НГ. 29.06.13); *Гос-поп-панк* (МК. 26.06.12; в статье утверждается, что российская власть, Церковь и суд ведут себя так, как будто выступают в жанре «Pussy Riot»); *Торжество православия и правосудия* (НГ. 5.03.12). Очевидно, что акция панк-группы затронула интересы как религиозного, так и политического института. Находясь в подчеркнуто акцентированной взаимосвязи, «власть» и «церковь» зачастую занимают одну общую позицию по отношению к обществу, социальные, материальные, духовные интересы которого обе организации должны отстаивать и защищать. Однако именно это объединение весьма нелестно характеризуется в анализируемых текстах:

- *Друзья и защитники арестованных пытались оправдаться по существу. Они говорили, что песнопение „Богородица, Путина прогони“ — именно радикальный молебен, обращенным к Богородице с просьбой урезонить власть земную и идущую у ней на поводу власть церковную* (Русская панк-церковь Московского патриархата // МК. 11.03.12);

- *Российские органы власти — светские и церковные — можно поздравить. Такую пустячную хулиганскую выходку в храме Христа Спасителя они смогли превратить в феномен почти что глобального значения* (Карл у Клары украл балклаву // МК. 18.09.12).

- *Pussy Riot ударили в самую точку, вскрыли гнойник. Обеспечили оптику для того, чтобы пороки сегодняшней власти и сливающейся с ней РПЦ проявились с такой ослепляющей резкостью* (Александр Чепарухин: «Пол Маккартни ответил через час» // Новая газета. 7.12.12).

Представленные примеры подчеркивают на синтаксическом уровне посредством использования соединительного союза «и» трансляцию восприятия двух социальных институтов как единой организации. Эта общность определяется все большей потерей независимости «церкви» от «государства» в современной социально-политической ситуации и соответственно утратой веры со стороны общества в ее самостоятельность и необходимость.

При этом «церковь» и «власть», находящиеся на одной позиции, далекой от народа, репрезентируются как «пострадавшие»: *Панк-молебен экстравагантных де-*

виц, спевших „Богородица, Путина прогони!“, власть рассматривает как серьезнейшее посягательство на свои устои (Дело Pussy Riot как зеркало русского протеста // НГ. 09.08.12). Это усиливает при интерпретации события драматическую составляющую, добавляет значимости произошедшему, выглядит как своего рода попытка реабилитации авторитета церковных и политических властей.

Актуализация религиозно-политического контекста в дискурсе события происходит через обращение к **персонификации**, трансляции ценностных ориентиров государства (власти) и Церкви через представителей и лидеров мнений. В качестве лидера политической сферы выступает президент России В. В. Путин, Церкви — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «Слияние» занимаемых ими позиций имплицитно передается через использование имен обоих персон в едином смысловом отрезке — предложении: *Девушки оскорбили вновь избранного русского президента Владимира Путина, патриарха, а своим танцем на амвоне, похоже еще и верующих* (Гос-поп-панк // МК. 26.06.12); *И вот они решили в качестве провокации оскорблять „самых крутых“ в стране: президента России и главу Русской православной церкви* (Свобода без добра — это зло // НГ, 20.08.12); *Отснятый видеоматериал лег в основу ролика, на который был наложен звук песни политического содержания, направленной против тогда еще кандидата в президенты Владимира Путина и Патриарха Кирилла* (Итоги года. Панк-молебн Pussy Riot // НГ. 29.12.12). Кроме того, в текстах исследуемых изданий представлены отдельные репрезентации духовного лидера страны: *Патриарх не отпустит грех Pussy Riot* (НГ. 26.03.12); *Патриарх Кирилл как цель* (НГ. 30.03.12); *Русская панк-церковь Московского Патриарха* (МК. 11.03.12); *Патриарх Кирилл расширяет аудиторию* (К. 4.02.12). Помимо главного лица Русской православной церкви, в дискурсе события персонифицированы иные представители Церкви: *Протоирей Всеволод Чаплин вчера встретился с адвокатами участниц панк-группы Pussy Riot* (НГ. 23.03.2012); *Протоирей Владимир Вигилянский отслужил прессе* (К. 7.06.12); *Протодиакон Андрей Кураев: Не ведомство церкви быть прокуратурой, квалифицировать преступления, требовать жестких мер* (Новая газета. 31.07.12). Все они являются известными «религиозно-медийными» лицами, соответственно их мнения являются одним из элементов создания оценочного образа события при его интерпретации.

Актуализация В. В. Путина как политического лидера и имплицитного участника события также представлена в дискурсе события: *Путину обвинили в том, что Pussy Riot сидят из-за него* (МК. 1.08.12); *Тори Эймс: „Путин боится Pussy больше американского правительства“* (МК. 5.10.12); *героини антипутинского сопротивления* (МК. 26.06.12); *против них весь госаппарат путинского самодержавия, правосудие которого международная общественность сейчас сравнивает с мракобесной инквизицией средних веков* (МК. 18.08.12); *религиозная война Путина* (НГ. 30.07.12); *три девушки, затеявшие антипутинский перформанс* (Новая газета. 17.08.12); *так называемых „антипутинских активисток“, то есть кривляк из группы Pussy Riot* (РГ. 31.07.12). В. В. Путин изображается ключевым игроком в создавшейся политической ситуации (собственно, ее инициатором, согласно заявлениям участниц панк-группы), главным актором российской политической системы, против которой выступила группа «Pussy Riot».

Примечательно, что в анализируемых газетных текстах разнится оценочное отношение к случившемуся В. В. Путина (*Акции девушек в храме президент назвал „шабашем“, добавив, что государство должно защищать чувства верующих* (Разговор номер один // РГ. 07.09.12)) и другой значимой политической персоны — Д. А. Медведева (*„Они и так уже посидели, эти девичьи“*. Дмитрий Медведев о том, что участницам панк-группы не место в тюрьме (К. 3.11.12)). Интерпретация реального события в аспекте актуализации политического контекста демонстрирует неоднозначность оценок произошедшего со стороны главных политических лидеров, что добавляет определенные оценочные штрихи к портрету российской власти в целом.

Таким образом, характер контекста, проявляющегося в тексте (и их совокупности) определен характером реального события, теми условиями, в рамках которых оно происходило. Так, на актуализацию религиозно-политического контекста при интерпретации события «Акция „Pussy Riot“» непосредственно повлияло место ее проведения и сознательная провокационность действий панк-группы.

Религиозно-политический контекст актуализируется через ключевые слова, которые несут определенную смысловую нагрузку и являются иницирующим фактором для создания общего оценочного образа события (например, подача акции как провокации, направленной против институтов государства и Церкви).

Религиозно-политический контекст имеет персонифицированный характер. В газетных текстах акцентируются не только пространственно-временные рамки события или его отдельные элементы, но и субъекты, которые являются его активными участниками («Pussy Riot») или — формально — находятся на втором плане, хотя играют первостепенную роль (политический и духовный лидеры страны). Персонификация религиозно-политического контекста репрезентирует оценочные доминанты в отношении всей общественно-политической ситуации в стране.

На наш взгляд, религиозно-политический контекст является одним из факторов, оказывающих влияние на интерпретацию реального события и создание его вербального образа в газетных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атьман О. В., Галухина В. П. Системообразующие признаки медиаполитического дискурса // Медиадискурс и проблемы медиаобразования : материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 27—29 сент. 2010 г.). — Омск, 2011.

2. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов. — М. : Академический Проект : Альма Матер, 2008.

3. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста : моногр. — Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009.

4. Мохирева С. В. Вариативность репрезентаций вербального события в СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 19—22.

5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 17.10.13).

6. Сморгунев Л. В. Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России : сб. ст. 2001. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/728> (дата обращения: 15.08.13).

7. Хвостунова О. И. Политический дискурс как индикатор демократизации // СМИ в меняющейся России : коллектив. моногр. — М. : Аспект-Пресс, 2010.

8. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Мельник